

«Урал»

В старину, когда башкиры не сеяли хлеба, не косили сена, кочевали, в поисках летних пастбищ. Когда из-за земель и воды один род враждовал с другим. Когда род на род совершал набеги, захватывал стойбища, уводили скот, женщин и детей, среди народа объявились седобородые аксакалы, и сказали: «Люди, хоть и из разных родов, но все мы одной крови. Не станет ли нам легче, если прекратим раздоры?» И признал народ, что они правы. И, сомневаясь в том, что сильный род будет нападать на слабых в будущем, направили послов к московскому царю. От рода Бурзян -Иске-бия, от рода Усярган — Бик-бау-бия, от рода Кыпсак — Карагужак-бия, от рода Тамьян — Шагали Шакман-бия.

Когда послы приехали в Москву, царь Иван Грозный встретил их как знатных гостей, угощал, расспрашивал про их житье-бытье. Бии подробно рассказали царю о просьбе народа. Иван Грозный сказал: «Все вы одновременно покоряйтесь мне одному, все ваши земли и воды повелеваю делить между вашими родами и чужие ханы не посмеют ступить на вашу землю.» И они решили покориться. Царь одарил их подарками, вручил тарханские грамоты. Были определены пределы земель и вод башкирских родов.

Вернулись бии и едва успели поговорить с народом, тут как тут оказались и царские люди, санаты. Со всех семи родов стал съезжаться народ на поляну Тараул, там и устроили большой туй. Боролись между собой батыры, состязались всадники, стрелки в меткости мерялись.

То был большой праздник у горы Уралтау: сэсэнны кубаиры сказывали, певцы песни пели. А кураисты, в память о том событии, и в честь родного Урала, который соединил воедино семь башкирских родов, сложили эту песню:

Уральских гор отроги высоки,
Ты матерью родною стал, Урал.
Здесь, где звенят живые родники,
Ты воедино семь родов собрал.

Вдоль по Уралу, гляньте, красота,
По-над Уралом свет от белых юрт.
Взойду на скалы, вырежу курай,
Уральский край всем сердцем воспою.

Урал, Урал, как не любить тебя,
Когда ты весь — мелодия любви.
Прекрасней рая сторона твоя,

Прекрасней пери девушки твои.

Богат зверями, птицами богат,
Родной Урал, ты источаешь песни.
Я поднесу к своим губам курай -
Поет земля моя со мною вместе.

Ты мне отец, ты мне и мать, Урал,
Уйду в могилу с именем твоим.
Мы в лютый бой готовы за тебя,
Мы никому тебя не отдадим.

Превыше гор Урала в мире нет,
Урал, мы все живем, тебя любя.
Возьму колчан и вспрыгну я в седло,
И брошусь в бой с врагами за тебя.

«Карабай»

Веет- веет ветерок
Режет льняной корешок.
Подрос парень, подросла дева
Душу парню извела.

Черная ласточка
Желтый соловушек.
Асмабика подплясывая
Идет на встречу

Во садочке возле дома
Рос бы ты тополем.
Я б тогда под тополем
Росла бы ягодкой

Приходи ты утречком
Приходи и вечерком.
Постучись в окошечко
Я узнаю по щелчку
И на встречу выбегу.

«Черемуха с обильными гроздьями»

Один старик ухаживал за красивой снохой, добивался ее любви, но безуспешно — сноха отказывала, говоря: «Ты — старик, мне тебя любить нельзя.» Тогда старик начал всячески притеснять и обижать сноху: последняя, когда ей это надоело, наконец, сказала ему: «Жди меня там, у камня, где растет черемуха.» Старик обрадовался, оседлал свою любимую кобылу и поехал в назначенное время к месту свидания. Приехав, он привязал кобылу поблизости в лесу, а сам сел у камня и стал ждать... Ждал, ждал, сноха все не приходила. Наконец, потеряв терпение, он пошел в лес к лошади, но обнаружил что ее съел волк. Старик поохал и пошел пешком домой. Так его сноха и обманула.

Караташ, гора родная!
Одари меня, любя!
Я возьму капканом волка -
Поблагодарю тебя.

Караташ ты мой высокий,
Без удачи мне не жить!
Я на след капкан поставлю
Сера волка изловить.

Я на след капкан поставил,
Сера волка изловлю.
Я сватов отправлю к свахе,
Я ее давно люблю.

Я на след капкан поставил,
Я в охоте знаю толк.
Да пока капкан я ставил,
Съел кобылу серый волк.

Ох, черемухи же нынче!
Обобрать не хватит сил.
Взять хотел я в жены сваху -
Себя лошади лишил.

«Семь девушек»

Говорят, у одного человека было семь дочек-красавиц, и все они любили одного егета. Девушки были очень похожи друг на друга как близнецы, и егет не мог определить, кого же из них он любит. Однажды парню пришлось выехать на чужбину и на прощание он сказал девушкам: «Кто из вас первой выйдет мне навстречу при моем возвращении, та и будет моей женой.» Парень уехал, и когда возвращался, никто его не встретил. В

его отсутствии отец решил выдать своих дочерей замуж семи баям. Кому первой, кому второй, а кому и третьей женой. Говорят, узнав об этом, семь девушек, борясь за свою честь, решили утопиться в озере с кувшинками. Так они и умерли. А егет сочинил о них песню:

Далека моя дорога,
Семь красавиц ждут меня.
Ожидать — мне слово дали,
Тосковать день изо дня.

Семь красавиц, семь красавиц...
Я вернулся — где они?
Честь и верность сохранили:
По воде круги одни...

Эсмалик — вода глубока,
И кувшинки на воде.
Счастье, счастье, где ты, где ты?
Семь красавиц, где вы, где?

Черный камень, лес дремучий -
Здесь жилище возведу.
Не отомстив за тех красавиц,
Я в могилу не сойду.

«Шесть егетов»

Девушка:
Шесть егетов за порогом,
Их, енга, никто не звал.
Видно, свататься явились,
Да один — росточком мал.

Енга:
Шестерых тебе не надо,
Малоростка отпусти.
Из пяти ты сделай выбор,
Четверым вели уйти.

Байгужа давно женатый,
На него глаз не клади.
От Сурая бегут жены,
За Сурая не ходи.

Девушка:

Я пошла б за Салихьяна -
Безлошадный Салихьян.
Да и как с ним выйти к людям?
На лице его изъян.

Иштуган — он мне не пара,
На Хайдара — наплевать.
Ты скажи, енга, что делать,
Из кого мне выбирать?

Енга:
Коль никто нам не по нраву -
Бери малоростка уж!
Подрастишь его, лелея, -
Будет всем на зависть муж!

«Хатира»

Ты стоишь перед воротами,
Тонкий стан свой изогнув, Хатира.
Тонкий стан свой изгибая,
Рвешь сердечко по кому, Хатира?

Я пройдусь пред вашим домом,
Мне волнения не скрыть, Хатира.
Ты скажи своим домашним:
«Выйду ставенки закрыть», Хатира.

Одарю тебя цветами,
Приколи себе на грудь, Хатира.
Лягу спать, а ты, родная,
Мне присниться не забудь, Хатира.

«Любизар»

Говорят, что после одного из крупных сражений, в котором участвовали и башкиры, Кутузов вызвал к себе их командира Кахым-турю, и сказал: «Любезные мои башкиры, молодцы!» Вернулся Кахым-туря к своим, и они начали его расспрашивать.

-Любезники башкирцы, любизар, молодец, молодец!

Кахым-туря не смог выговорить по-русски все, что сказал ему Кутузов. Башкиры тут же сочинили песню, выговаривая: «Любезники, любизар, маладис, маладис!»

Уходили на войну,
Покидали мать, жену.
А как с битвы возвратились -
Слава нам на всю страну.

Любезники, любизар,
Маладис, маладис.

Под Москвою враг стоял
И в Москву пожаловал.
Мы его потом прижали -
В чисто поле побежал.
Любезники, любизар,
Маладис, маладис.

Зря решил Наполеон
На Руси воздвигнуть трон,
Зря в Москву он заявился:
Был умен, теперь — учен.
Любезники, любизар,
Маладис, маладис.

Враг Россию взять не смог,
Получил он здесь урок:
Русский и башкир прижали -
Побежал, не чуя ног.
Любезники, любизар,
Маладис, маладис.

И в москве бывали мы,
И Париж видали мы,
И захватчика-француза
Хорошо бивали мы.
Любезники, любизар,
Маладис, маладис.

Улицы булыжные
У французов — здорово!
Эх, навоевал француз
На свою же голову.

Любезники, любизар,
Маладис, маладис.

«Азамат»

Издалека видать, издалека:
Поднял главу свою Ирендык.
Куда б меня ни бросила судьба,
Одoleвать нужду я привык.

У Азамата конь, ой, вороной,
И бабки у коня, ой, белы.
Егет всегда готов творить добро,
И помыслы его, ой, светлы.

Когда егет в сраженье победит,
С ним верный конь приходит домой.
А если им придется в землю лечь,
Их слава пролетит над землей.

«Круглое озеро»

Это озеро родное,
Дорогая сердцу тишь.
Над серебряной волною
Дремлет шелковый камыш.

Словно желтые монеты,
Спят кувшинки на ветру.
Золотые рыбы в сети
Заплывают по утру.

Лебеди, ой, пролетая,
Сели, не смутили вод.
Молодежь — как птичья стая,
Водит дружный хоровод.

А кругом цветы на радость,
Никому не перечеть.
Жизнь проходит, словно праздник,
Праздник наша жизнь и есть.

Наше озеро красиво,
Как его не воспоешь.
Души — бабочки игривы,
Как плясать здесь не пойдешь.

«Айхайлюк»

В прежние времена в ауле Мостай Второго Бур-зянского рода проживал молодой красивый егет, у него были тонкие усы. Охочий до шуток, красноречивый, был он еще и певцом. В юности полюбил он юную красавицу, дня без нее прожить не мог. Но непросто было улучшить момент, чтоб повидаться с ней. По этому поводу он даже песню шутиливую сложил.

Шутливость эта протянулась у него через всю жизнь. Женившись на любимой девушке, став отцом, он продолжал петь на вечеринках озорную песню своей молодости, веселить той песней гостей, поднимая их настроение. Жена ему говаривала: "Ты теперь постарел, отцом стал, тонкие усы твои поредели и поседели, а ты все шутки шутишь". Поэтому песню назвали "Айхайлюк", другое название - "Отец детей". А слова песни таковы:

Поднявшись утром, выйду ли из дома,
Айхайлюк, Гляжу, корову девушка ведет,

Хапем, хапаулякаем.

Но стоит с ней заговорить, как снова,
Айхайлюк, Старуха-мать с ворчанием бредет,

Хапем, хапаулякаем.

Усы мои, что ниточкою вьются,

Айхайлюк, Девчата просят для сэсбау² дать,

Хапем, хапаулякаем.

Усы мои, что ниточкою вьются,
Айхайлюк, Своей любимой обещал отдать,

Хапем, хапаулякаем.

Айхайлюк - от *ай-хай* (межд.), выражает удивление, восхищение и др. *Сэсбау* - шерстяной шнурок, заплетенный в косу для прикрепления к нему украшений.

«Журавлиная песнь»

В древности среди зауральских башкир жил один могучий батыр. Был у него конь — сивый тулпар, который мог стремглав перенести хозяина куда только тот пожелает. Не было равному этому батыру в силе, храбрости и уме. Когда на

его родной край нападали враги, он бесстрашно вставал на их пути, защищая сородичей. К тому же, батыр был прославленным кураистом и певцом. Его игра на курае с вершины Иряндыка была слышна в окрестных аулах.

Батыр женился, и спустя много лет у него родился сын-крепыш. «Храбрее отца будет», - говорили о нем люди с восхищением.

Став юношей, сын во всем походил на отца, а в чем то превзошел его. Как в народе говорят: что птенец воспримет в гнезде, то в полете скажется.

Прославился егет и в игре на курае, как его отец.

«Женю ка я его - пока сам жив», - подумал отец, и сосватал ему невесту. Отдал ему своего трехгодовалого жеребца, рожденного от сивого тулпара, и в один из солнечных весенних дней егет отправился в дом будущего тестя.

Приехав, оставил жеребца на лугу, неподалеку от дома. Утром, когда пришел за жеребцом, услышал столь прекрасную мелодию, что застыл в изумлении. Затем устремился в ту сторону, откуда доносились звуки. Притаившись, стал наблюдать.

На поляне кружилась в хороводе стая маленьких журавлей. В центре круга стояла журавушка. Стоило ей, взмахнув крыльями, начать мелодичное курлыкание, как маленькие журавли тут же присоединились к ней и принялись кружиться.

С упоением слушал егет звенящую мелодию журавлей. Слушал до тех пор, пока не запомнил. Боясь, как бы не забыть песню птиц, вскочил на коня и стрелой помчался к дому тестя. Спешившись, взял свой курай и заиграл журавлиную песню. На звуки курая собрался народ.

- Откуда ведома тебе эта странная, удивительная мелодия? Уж не сам ли ты ее сложил? - спросил егета аксакал.

- Нет олатай, - ответил егет, и поведал о случившемся. Народ взволновался: как бы беда какая не нагрянула. А старец промолвил:

- Это ведь песнь журавлей. Там, где они играют, суждено случиться большому сражению, в котором много людей погибнет, - говорили в старину наши деды.

Услышав такое, егет сразу же отправился домой. Дома все как есть рассказал отцу. «Да, сынок, в старину говорили, что там, где играют журавли, будет побоище, нагрянет на страну бедствие. Таких битв отец твой на своем веку повидал не мало. Теперь я стар, силы мои не те, свое боевое снаряжение тебе вручаю. Будь храбрым, не запятнай честь рода. Будь беспощаден к врагам и верен родной земле, только тогда будешь счастливым. Это мой тебе завет. А сейчас собери войско из самых надежных людей», - сказал отец.

Егет бросил клич, собрал войско, готовое к любой битве. Прошло немного времени, и на землю его рода напали чужеземцы. Он поднял своих лучников, и те стали поражать врагов на расстоянии, видимом глазу. Когда же бой стих, несколько дней праздновали победу. Прославляли егета как настоящего батыра. А напев, услышанный им от журавлей, с тех пор называю «Журавлиной песней».

«Бала карга»

В старину, во времена барымты и карымты¹, жил один славный башкирский батыр. Был он искусным кураистом, певцом, сэсэнном. Когда возмужал, женился на дочери известного старого батыра. Мир и согласие их жизни были нарушены нашествием казахов. Те хотели во что бы то ни стало захватить этого башкирского батыра и склонить его на свою сторону. Но ничего у них не вышло. Едва увидев батыра, на которого посягали, казахи не решились напасть и повернули назад. Тогда они задумали лишить батыра будущих наследников и однажды похитили его беременную жену. Глава их рода взял ее себе третьей женой и поселил в отдельной юрте.

Возвратился башкирский батыр с охоты домой, а жены нет. Взял он тогда медное копьё и отправился в путь. Добрался до яйляу², где жил казахский батыр. Ночью крадучись он стал подбираться к каждой юрте, прислушиваться. Дошел он до белой юрты и услышал, что кто-то там тихо плачет. "Боже, да ведь это моя жена, подам-ка я ей голос",- подумал он и шепотом позвал ее. "Что бы ни пришлось испытать, лишь бы быть рядом с моим мужем", - решила молодая женщина и, выскользнув из объятий казахского батыра, выбежала из юрты.

В ту ночь они пробежали по степи большое расстояние. Немалый путь одолели они и на другую ночь. Но на третью ночь жена батыра почувствовала себя плохо, совсем выбилась из сил. Добрались они до зарослей кустарника и спрятались. Там же, в зарослях, родился у них сын. Преследовавшие их всадники-казахи проехали мимо, не заметив беглецов. Мальчик надрывался в плаче, а состояние его матери становилось все хуже. Бежать с ребенком на руках было опасно. В кустах они заметили грачиное гнездо и положили в него ребенка, а сами отправились в путь, скры-ваясь в кустах да оврагах. Таким образом им удалось добраться до Яика¹ и переправиться на другую сторону. В это же время на противоположном берегу показались преследователи. Потоптались они возле реки, да и повернули обратно: в те времена река Яик была границей между казахами и башкирами. Обессиленные, измученные переживаниями муж и жена достигли, наконец, родимого дома.

Когда межплеменные раздоры на время прекратились и установился мир, батыр с женой решили поехать туда, где оставили своего ребенка, чтобы схоронить хотя бы его косточки. Приезжают и глазам своим не верят: сидит их дитя на ветке и тянется ручонками к летающим над его головой грачам. Стали они забирать малыша, а грачи не хотят его отдавать: кружат над ними, кричат во все горло. Даже когда муж с женой запеленали ребенка и поехали с ним домой, грачи все не унимались - долго сопровождали их, пронзительно горланя. И малыш тоже тянулся к ним, плакал. Изумленные тем, что ребенок их жив, радовались и плакали от радости его родители. Находясь в пути, называли они своего малыша Балакарга -Грачонком. Печальные раздумья навеяли на них воспоминания о пережитом, пока не излились песней. Попеременно несли они на руках своего чудом выжившего ребенка, а когда вернулись в родной аул, пришел черед удивляться односельчанам. На вопрос: "Как зовут вашего ребенка?", они отвечали: "Грачонок" и песней поведали удивительную историю младенца:

Мы ребенка оставляем -

Вам, грачам, его вверяем!

Враг за нами по пятам -

Мы бежим к родным краям.

Эй..., тирэ-тирэ, тирэ-рэм,

Тирэ-тирэ, тирэ-рэм!

Ты ведь нашим был ребенком,
Но потом ты стал грачонком.
Снова рядом мать, отец,
Улыбнись же нам, "птенец"!
Эй.., тирэ-тирэ, тирэ-рэм,
Тирэ-тирэ, тирэ-рэм!

Вам, грачи, мы шлем спасибо,

Что ребеночка спасли вы.

Мы спасителей молили,

Чтоб дитя нам возвратили!

Эй.., тирэ-тирэ, тирэ-рэм,

Тирэ-тирэ, тирэ-рэм!

Слезы я лила ручьями,

Не смыкала глаз ночами,

Не тебе ль верна была -Молоко уберегла?

Эй.., тирэ-тирэ, тирэ-рэм,
Тирэ-тирэ, тирэ-рэм!

В прежние времена, когда башкиры жили родами, егеты одного рода, нарядившись в лучшие одежды и оседлав лучших скаковых лошадей, высматривали себе девушек в других родах. Когда такие девушки находились, начиналось сватовство. Таким образом между родами возникали родственные связи, дружеские отношения. Это приносило радость и удовлетворение каждому роду.

Некий прославленный егет бурзянского рода выехал на своем Вороном иноходце и высмотрел себе красивую девушку в соседнем Кубалякском роде. Вернувшись домой, он заслал сватов к ее родителям и получил их согласие. Отец егета отдал в числе махара¹ табун лошадей и прославленного повсюду Вороного иноходца. В доме невесты иноходца держали на белой привязи. Караярга начинает худеть на глазах; он фыркал и ржал, без конца бил копытами землю, поднимая клубы пыли. Невеста егета каждый день взбиралась на иноходца, ездила на нем верхом, напевая в такт его рыси сочиненную ею песню, восхваляющую достоинства коня.

В один из погожих летних дней она облачилась в роскошную одежду, надела на себя украшения, кашмау². На иноходца накинула серебряную уздечку и серебряное седло. Она отвязала коня от белой коновязи и, вскочив в седло, решила погарцевать перед юртами. Однако возбужденный иноходец взял да унес девушку в родные края, к дому своего настоящего хозяина.

Сородичи невесты пытались догнать, но бесполезно - Вороной иноходец умчался как ветер.

Тогда девушка взмолилась:

Гриву черную и длинную твою
Заплетать не стану, мой юрга.

Спину круглую и мягкую твою
Я не трону плетью, мой юрга,
Не увози ж меня, невестку,

на тебе верхом сидящую.

Хаит, Кара-юрга,

Таит, Кара-юрга.

Колья белые да в землю я вобью,
Но тебя не привяжу к ним, мой юрга,

Спину круглую и мягкую твою

Я седлом не потревожу, мой юрга.

Не увози ж меня, невестку, на тебе верхом сидящую.

Хаит, Кара-юрга,

Таит, Кара-юрга.

На рассвете следующего дня Кара-юрга принес невесту в дом будущего мужа. Пронзительным ржанием разорвал он утреннюю тишину, и хозяйские лошади дружно отозвались. Все люди проснулись и вышли из своих юрт. Увидев Вороного иноходца с девушкой-красавицей в седле, двинулись в их сторону. Пытаясь успокоить разъяренного иноходца, его молодой хозяин стал напевать так:

Хей, копыта круглые, красивые,

Подкуём тебя мы, мой юрга,

Гриву твою длинную, красивую,

Позументами украсим, мой юрга.

Опусти ж на землю ту, что на тебе верхом.

Хаит, Кара-юрга,

Таит, Кара-юрга.

Пусть твои копыта будут камня твёрже,
Подобьем тебе их, мой юрга,

Потник черный в бархате ли, в коже

Вышивкой украсим, мой юрга.

Опусти ж на землю ту, что на тебе верхом.

Хаит, Кара-юрга,

Таит, Кара-юрга!

Холку черную и жесткую твою
Позументом мы украсим, мой юрга,
Твои уши, что с ракушками сравню,

В кисти уберем мы, мой юрга.
Опусти ж на землю ту, что на тебе верхом.
Хаит, Кара-юрга,
Таит, Кара-юрга!

«Салават»

Впереди Салавата молва,
В выдровой шапке его голова.
Сколько лет ему было, спросите,
Было лет ему - двадцать и два.
Средь коней, заполнивших луга,
Есть лишь пегий, серого-то нет.
Салават уничтожил врага,
Конь его вернулся, всадник - нет¹.
Над долиной Юрюзань-реки
Жаворонки звонкие кружат,
На ногах Юлая с Салаватом
Кандалы железные гремят.
У мухортого коня Салавата
Кто-то нежно гриву расчесал.
Всевидящие очи Салавата
Пристально оглядывают даль.

«Ерян Кашка»

Девушки:

На яйляу² мы были, кобылиц доили, Башкуняк несли мы, башкуняк³.
Рыжий конь мой, рыжий конь, Головою водит он. Если нет пред ним
овса, Ах, душа пылает вся. Э-эй... душа пылает вся.
Молим, чтоб живыми воротились,
Вы уходите, вы уходите, покидаете нас.

Рыжий конь мой, рыжий конь. Гриву треплет ветерок. Пусть при
возвращенье вашем Не падет с седла седок. Э-эй... не падет с седла седок.

Егеты:

Мы, яйляу покинув, взяв оружие, На войну уходим на конях.

Рыжий конь мой, рыжий конь, Впереди всех прочих он. И пока егет в седле,
Горя знать не будет он. Э-эй... Горя знать не будет он.

Мы уходим, стан стянув свой туже, Обещайте чаще нам писать.

Рыжий конь мой, рыжий конь, Не собьется с тропки он. Даже под седлом,
служба немало, Стать свою не потеряет он, Э-эй... Стать свою не потеряет он.

“Перовский”

Узнав, что оренбургский губернатор Перовский собирается приехать в наши края, князь Куватов¹ решил как следует его встретить. Велел приготовить угощения. Пригласил из аула Юлдаш² кура-иста по имени Шафик, который прошел долгую солдатскую службу. Когда настал срок приезда губернатора, велел выстроить солдат в низовье между холмами - уязе (теперь то место называют "Уяз Перовского"). Едва завидев приближавшегося на коне Перовского, кураист Шафик начал наигрывать марш. Был ли это марш, который он исполнял на военной службе, или специально сочиненный в честь Перовского, сказать не могу. Сидя на коне, губернатор проехал перед строем солдат. Шафик все это время играл на курае. Другие егеты также присоединились к его игре. Конь Перовского будто бы вытанцовывал под маршевую мелодию.

"Перовский" - мелодия, состоящая из трех частей. Теперь оставили лишь ее стержневой мотив: мол, создадим танцевальную музыку. Я играю ее так, как когда-то услышал в исполнении на курае.

“Буранбай”

Буранбай Котдосов¹ жил в 1800-х годах. Родился он в ауле Буранбай Баймакского района (деревня Киньябулатово Первой Бурзянской волости бывшей Оренбургской губернии). Он был известен как острослов, искусный певец-сэсэн, великолепный кураист. Ко всему он был еще истинным батыром, сильным и смелым человеком. На охоте метко стрелял из арбалета, хотя и был слеп на один глаз. Люди пели об этом:

Буранбай был, говорят, слепым, Глазом видел, говорят, одним...

Отец его - Зулькарнай, жена его - Тутыйгош. У него был сын по имени Науширбан (от него идут нынешние Науширвановы аула). В те времена Мэ-кэрский лес на правом берегу Хакмара был покрыт сосновыми деревьями, карагасом². Буранбай выстроил свой дом из того карагаса. Фундамент дома был выложен из 12 бревен. Для своего времени Буранбай был образованным человеком, читал и писал по-арабски. Обладал искусством гипноза. Не клонил голову перед богатеями, всегда горой стоял за бедняков. Те шли к нему за советами. Власти искали способа, чтобы отделаться от Буранбая. Они написали на него жалобу в г. Оренбург. Оттуда пришло несколько вызовов, но Буранбай не откликнулся ни на один из них, скрывался в лесу. В это время он общался с

Сибай-кантоном, имел отношения с помощником Ибрагимом. Целый год провел на Ирендике, потом в Узени, не имея возможности вернуться в родной аул.

И все же в одну из ночей он решил воротиться в аул.

Стоял апрель, пора половодья на Хакмаре. Поздоровавшись с женой, доившей в это время корову, он завел коня в сарай и вошел в дом. Соглядатаи, не сводившие глаз с его дома, заметили его приход и окружили жилище Буранбая со всех сторон. Но им не удалось обнаружить ни Буранбая, ни его коня в сарае- это Буранбай использовал свое умение гипнотизировать и стал невидимым для соглядатаев. Наутро он простился с женой, осторожно вывел коня из сарая. Но соглядатаи, продолжавшие за ним следить, пустились в погоню и настигли его у самого Хакмара. Несмотря на ледоход, Буранбаю удалось перебраться на другой берег. Со словами "Вот таков я, Буранбай" он убежал по Шунгурской дороге (бывший соляной путь) в "Кастын карагай" -"Сосняк беглецов" (лес возле деревни Шульке). На сосне он вырубил слова песни топориком, который всегда носил за поясом, и решил отныне навсегда покинуть эту землю. Он поехал в Морак (нынешний Кугарчинский район), в аул Ишбердино к другу своему старику Суфияну. "Я покинул аул и дом, песню свою написал на стволе сосны. Если желаешь, поезжай и перепиши слова, пока не стаяла под солнцем смола", - сказал он старику и отправился в деревню Идельбай¹ на берегу Демы, где и обосновался. Там он женился на девушке этой деревни. Было это около 1824 года. Сыновьям своим дал те же имена (что и в Баймакском аймаке).

Когда старик Суфиян приехал к той сосне, смола успела уже стаять и натечь на вырубленные Буранбаем слова песни. Тем не менее он сумел различить некоторые из них:

В саду Буранбая зеленеют Деревья двенадцати разных пород...

Дальнейшая судьба Буранбая неизвестна. Знают только, что он называл себя в других местах не Буранбаем, а Ялан-Еркеем.

Говорят, в 1956 году в наш аул приезжал внук Буранбая. По его словам, Буранбай умер на берегах Демы (год смерти неизвестен). Говорят, потомки долгое время хранили его лук и стрелы.

До 50-х годов наш аул носил название Кинь-ябулатово. Затем, по просьбе наших стариков, в честь Буранбая он был переименован в Буран-баево.

Если верить словам старых людей, известен и фундамент буранбаевского дома. Ныне Буранбае-вы, Науширвановы, Шайхисламовы, Утябаевы, Халиковы считаются потомками Буранбая.

“Баяс”

На берегу Хакмара, говорят, жил егет могучего сложения, искусный певец, кураист и остро слов. Звали егета Баязитдин. Вместе с родной сестрой вооружился он копьем, луком и стрелами, собрал отряд лучших стрелков и начал борьбу против тех, кто грабил их земли. Родители Баяса (так называли Баязитдина), родные и близкие были замучены, убиты.

И Баяс, и его сестра были искусными наездниками, на состязаниях пробивали стрелой колечко, попеременно побеждая, никому не уступая первенства. Да и выпущенные в сторону врагов стрелы точно находили свою цель. Но устоять против ружей и натиска карателей им было трудно, и они вынуждены были отступить.

Так оказались они среди зауральских башкир. Отряд расселился по разным аулам, а Баяс со своей сестрой стал кочевать по Ирендыку. На восточном приотрожье Ирендыка есть молодой березняк по названию Баяссаука (Березняк Баяса). На земле аула Нижний Яикбай в низовьях Хакмара есть гора, которая называется Апай-тау (Сестрина гора). Это память о пребывании Баяса и его сестры в тех местах.

Когда смутные времена миновали, Баяс стал жить в ауле Кусеево¹. Там он женился на красивой дочери одного бедняка. Сестра его вышла замуж за егета из аула Басаево².

Шли годы, и постепенно баи стали проникаться к Баясу ненавистью, называли его не иначе, как "пришелец". Они сговорились оклеветать его и под ложным наветом отправить в Сибирь.

Учуял это Баяс и решил бежать. К дому его приставили секретный караул, который дни и ночи не смыкал глаз. Но Баяс не появлялся. Так и не сумев изловить беглеца, баи распространили ложный слух, будто поиски его прекращаются. Но сыщики не спускали глаз с его жены. И все же Баяс ухитрялся встречаться с нею. Происходило это в столь глухом месте, что сыщики никак не могли напасть на их следы.

В один из погожих летних дней жена Баяса, прихватив кое-какую еду, вышла из дому, сказав, что отправляется по ягоды, а сама вскоре свернула с дороги и по безлюдным местам подалась в ту сторону, где ее ждал муж. Сыщики незаметно следовали за ней. Нетерпеливо ожидавший ее, Баяс обнял жену. И тут появились вооруженные преследователи и схватили их. Баяса связали по рукам и ногам, избili до полусмерти и повели в аул. Никакие пытки не могли его сломить - Баяс не произнес ни слова, даже вида не подал, как он страдает.

Когда его отправляли в Сибирь, то сопровождали егета два всадника. Баяса, скрученного железной проволокой, вели по улице аула. И тогда Баяс запел задушевным голосом:

Лежащий на хребтах, не тает снег, Лежащее в земле, не тлеет злато;
Душа не успокоится вовек, Пока не запоешь, тоской объятый.

Ветрами поднебесными гонимый, Летает в небе сокол без конца.
Когда тебя изгонят с мест родимых, Никто не пожалеет беглеца.

Я родину оставил на закате, Ах, на свободе вольно я скакал. Ворами
тех мужчин не называйте, Кто в горы Ирендыкские бежал.

Слушая печальную песню Баяса, все бедняки аула, девушки и женщины, дети и старики плакали навзрыд. Больше Баяса никто не видел.

“Бейеш”

"Бииш" - одна из любимых песен башкирского народа. В прежние времена в наших баймакских, абзелиловских краях люди старшего поколения после исполнения песни, как правило, рассказывали её краткую историю.

По их рассказам выходило, что Бииш - башкир наших баймакских или абзелиловских мест¹. Он не задерживался долго на одном месте, большую часть жизни проводил на отрогах Ирендыка и Урал-тау. Он не мог ужиться с разными начальниками-турэ и баями. Он их просто-напросто ненавидел. Одинокая жизнь научила его и петь, и играть на курае.

Был он из бедняцкой семьи. Тем не менее среди сверстников он выделялся и ростом, и силой. Его боялись даже подростки гораздо старше его. Во время игр или мальчишеских схваток, бывало, невзначай ушибал или даже ломал руки

приятелям. Если это случалось с байчатами и они начинали хныкать и плакать, кара падала на голову родителей Бииша.

В десять-двенадцать лет он превратился в крепкого и сильного отрока, и за что бы он ни брался, все ломалось в его руках, которые были у него, будто лопаты, а кулаки - как половники. А в шестнад-цать-семнадцать лет превратился в широкоплечего, смуглолицего красивого егета. Человек среднего роста рядом с ним казался мальчиком. В борьбе не было ему равных, многие боялись против него выходить.

Прошли годы, родители его стали стариться, а сам он нанялся к баю батраком. В работе он также был сноровист. Умел и работать, и поесть: зараз мог справиться с целым бараном или съесть казы-лык, которым можно было опоясаться. "Ты съедаешь столько, сколько зарабатываешь", - говорили ему баи и платили очень мало. Тогда он порой не сдерживался, избивал скупого бая и уходил из его дома. В конце концов баи стали думать над тем, как избавиться от Бииша.

Так в нем зарождалась ненависть к ним, и он стал разделять всех людей на баев и бедняков. Между тем его родители умерли в бедности и нищете.

Бииш-батыр стал беглецом. Он мстил, грабя байское добро, разоряя царских чиновников, поджигая их дома. Награбленные деньги, разные хорошие вещи раздавал беднякам. Царские власти начали искать пути его поимки и уничтожения, называя не иначе как "Вор-Бииш".

Однажды байским сыщикам удалось напасть на след Бииша. Они настигли его в горах Ирендыка. Но батыр не растерялся, с корнем вырывая деревья, стал он бить своих преследователей. Те в ужасе бежали кто куда.

Бииш-батыр проводил свое время в скалистых горах Ирендыка и Уралтау, в густых лесах их предгорий. Днем он прятался, а по ночам вершил расправу над богачами. Каждый день он постоянно менял жилье, чтобы запутать свои следы. Бывало, в самых разных одеждах появлялся в аулах и на больших базарах.

Однажды Бииш оказался на базаре в деревне Халилово. Там он увидел Куштан-батыра, который славился своей силой. "Попадись мне разбойник Бииш, я бы связал его и выбил ему все зубы", - хвастался он. Бииш слышал эти слова. Когда тот батыр отправился домой, Бииш поехал за ним следом. Вскоре он догнал его. Куштан-батыр спрашивает его: - Ты знаешь разбойника Бииша?

-Знаю, - говорит Бииш.

- Где же он? Выбить бы ему зубы да сложить ему в карман!

- Вот он перед тобой, я и есть Бииш-батыр.

И схватились два батыра. Бииш привязал Куш-тан-батыра к телеге, выбил ему зубы и сложил в карман.

Бииш продолжал проводить время среди каменистых скал Уралтау, изливал в песнях и в игре на курае свою грусть-тоску. Тем и тешил свою душу.

Однажды встретил он русского человека. Тот тоже был велик ростом, косая сажень в плечах, льняные волосы; глаза взирали остро и зорко. Молча подошли они друг к другу, словно давно были знакомы между собой. Тем человеком был Синцов, который находился в бегах после того, как убил заводчика. Теперь их стало двое, вместе боролись с богачами, вместе мстили своим обидчикам.

По словам наших отцов, Синцов был даже посильнее Бииша. Они носили с собой двенадцати-пудовый батман и восьмипудовый лом. Уперев лом в батман,

силачи открывали магазины и конюшни баев, чтобы забрать добро и выкрасть лошадей. Добытое они раздавали бедным.

Как-то раз Биш, переодевшись, чтобы его не узнали, отправился по аулам один. Однако его узнали. Начальники вместе с баями, собрав людей, отправились за ним в погоню. Биш оседлал коня и ускакал в горы. Преследователи, на ходу меняя коней, начали догонять Биша. Батыр добрался до верховьев Агидели и стал подниматься на гору Иремель. Когда погоня была совсем близко, он слез с коня и стал карабкаться по крутому склону на вершину. Преследователи окружили скалу, на которой был Биш. Тогда он взобрался на высокую лиственницу. Ему велели спуститься вниз.

Батыр не спустился - он не хотел сдаваться живым. Тогда байские приспешники начали рубить лиственницу. И тут Бииша осенила мысль: сломав две толстые ветки, обхватив их руками, чтобы была опора, он взметнулся над рекой. Оказавшись на том берегу, Бииш посмеялся над своими преследователями и, распевая песни, скрылся в уральских лесах.

После этого Бииш-батыр еще яростнее стал мстить баям и начальникам, навел на них великий страх. Его стали выслеживать.

Однажды, в год раннего снегопада, ищейки увидели свежие следы Бииша. Им удалось найти и схватить его. Силы были неравны. По словам некоторых стариков, Бииша избili до смерти. Другие говорят, что его сослали на каторгу, откуда он не вернулся. Третьи убеждены, что Бииша так и не смогли поймать. Народ до сих пор поет его песни:

Из шкур белых зайцев сшил шубу себе - Чем буду ее лицевать я? Жить летом здесь было угодно судьбе - Где буду теперь зимовать я?

“Пеший Махмут”

Рассказывают, что Махмут родился и вырос в бедной семье в деревне Туркменево нынешнего Баймакского района. Его отец был известным певцом и кураистом. Сын тоже пошел по стопам отца, любил музыку и песни. Оставшись сиротой в неполные восемь лет, он рос под присмотром одной-единственной родственницы - старшей сестры отца.

Женщина эта смотрела за ним как только могла, но из-за большой бедности вынуждена была отдать его баям в пастухи. Те с издевкой называли его не иначе, как "пастух Махмут".

Пас Махмут байское стадо, а сам, дивясь земной красоте, сочинял песни и играл на курае. В свои четырнадцать-пятнадцать лет он снискал в округе славу отменного кураиста. Все люди с восторгом прислушивались к его игре.

Тяжела была жизнь егета. Зато душа его была полна мелодий и песен. К тому же, душа егета разрывалась при виде окружавшего его зла и несправедливости. Махмут имел привычку через слово произносить: "Увидеть бы царя". Баи смеялись над ним: "Не токмо что ты, даже мы не сможем увидеть царя, тебе ли, голодранцу, видеть владыку из владык?".

Махмут был верен слову, честен и прям душой. Два или три дня собирался он в дорогу, пришел к тетке, заменявшей ему мать и сказал так: "Мама, я ухожу, чтоб взглянуть на царя. Всерьез ухожу, пожелай мне добра и удачи".

Женщина так и застыла в изумлении, хотела его отговорить, не желала отпускать в столь далекий путь, но все ее усилия были напрасны. "В таком случае я желаю тебе счастливого пути, удачи. Возьми хотя бы вот этот хлеб, съешь по дороге, когда проголодаешься".

Махмут положил лепешку в дорожный мешок, взял его в одну руку, а другой прихватил курай и тронулся в путь.

вом же ауле, попавшемся
на пути, заиграл он на
своем курае. Услышав
завораживающий напев, к
нему стали стекаться
взрослые и дети. Скоро
Махмута окружила густая
толпа. Жители аула
приветствовали егета,
потчевали и угощали чем

могли, расспрашивали,
куда направляется. Узнав,
что он идет к царю,
пришли в немалое
изумление. Тем не менее
пожелали ему доброго
пути и дали коня, чтобы
он не шел пешком.

Вот так он и продвигался: в каждом ауле пел и играл на курае, а люди его кормили и поили, провожали с почестями. :

В конце концов он выехал за пределы тех земель, где жили башкиры, и оказался среди других народов. Но и русские, и чувашаи, и татары с удовольствием слушали его игру на курае. Они тоже помогали молодому страннику и старались всячески облегчить ему путь к царю.

Махмут, хотя и не понимал по-русски, все же уловил слово "царь". Оказываясь в очередной деревне он прежде всего играл на курае, затем произносил слово "царь" и показывал рукой: дескать, направляюсь к царю.

Прошло немало времени, пока Махмут достиг царского дворца. •

Узнав, что странник хочет видеть царя, приближенные государя ему доложили: "Ваше величество, какой-то чужестранец хочет тебя видеть".

Царь приказал ввести егета.

Махмут прошел в царские покои с кураем в руке и, не зная как себя вести, произнес на родном языке "Великий царь, я - башкир, пришел тебя увидеть". С тем поднес он курай к губам и заиграл задушевную мелодию.

Удивленный царь внимательно выслушал егета, чья игра пришлась ему по душе. Затем он приказал отыскать толмача, потчевал пришельца лучшими блюдами, велел как следует его приодеть. Но разговор между царем и Махмутом никак не клеился, потому что егет не мог ничего изречь, кроме: "Великий царь, я пришел тебя увидеть". Тем не менее, он несколько дней гостил в царском дворце, играл царю на курае, и тот с неизменным вниманием слушал его игру.

Для того, чтобы создать впечатление о себе как о справедливом и благородном владыке, и чтобы по возвращении на родину Махмут распространил это мнение среди сородичей, царь относился к нему, как к почетному гостю, велел вырядить в самые лучшие одежды.

Махмут неузнаваемо изменился, пополнел и посветлел лицом.

Наконец царь одарил его деньгами и отправил в обратный путь на тройке с красными сбруями и колокольчиками под дугой. Для того чтобы в дороге ему не чинили никаких препятствий, он дал ему дорожную бумагу.

И вот едет Махмут на черной своей тройке, горделиво восседая в кошеве, на все лады звеня бубенцами, поднимая по дороге клубы пыли. Едет от города к городу, от села к селу. И когда проезжал он по городам и деревням российским, дивился кругом народ, глядя на его богатые одежды и горделивую осанку, на горячих вороных его тройки. Переговаривались м'жду собой: "Наверное, это какой-нибудь большой начальник, посланец самого царя-батюшки. Вроде бы в округе нет начальников с такой роскошной тройкой".

В погожий летний день, в рассветную пору, появился Махмут в своем ауле. Разливая звон бубенцов, пронесся по улице Туркменева, погруженного в глубокую тишину. Затем направился в сторону яйляу вдоль реки Туяляса. Не останавливаясь возле выстроившихся на берегу белых юрт, проехал он к подножью горы Тугажман и поднялся на ее вершину. Там он распряг лошадей, которые, почувствовав свободу, стали покачивать головами и переводить дыхание. И только бубенчики продолжали заливаться серебряным звоном. Всех, кто спал в ту пору в юртах, покинул сон. Старики, старухи, снохи и дети высыпали из юрт и стали вглядываться в ту сторону, откуда доносился звон бубенцов. Увидев возле распряженной тройки человека, стали думать-гадать, кто бы это мог быть.

На яйляу поднялся шум-гам, переполох. Один из стариков предположил: "Наверное, это какой-нибудь очень большой начальник. Увидев, что мы спим, решил подняться на гору Тугажман... Что же мы стоим, опустив руки? Пойдемте к нему, окажем ему почтение. Захватите с собой кумыс, режьте барашка, нужно как следует угостить большого начальника".

Когда запрягли байских лошадей, загрузили кумыс и выехали встречать важного гостя, вдруг со звоном колокольчика донесся напев курая. Все, кто отправился встречать, замерли пораженные. "Как вы думаете, что это за человек? - спросил один. -Ведь это курай

Махмута. Неужели он и есть?". "А ведь и в самом деле Неужели пастух Махмут воротился от царя? Пойдемте к нему, узнаем, что к чему".

На яйляу замерло всякое движение. И млад, и стар, не дыша, внимали голосу курая.

Униженно склонив головы, баи поднялись на гору и видят: три отменных вороных лошади мерно покачивали головами в такт мелодии, и от этого покачивания звенят и звенят бубенчики. А сбруя на лошадях сплошь украшена серебром. Перед тройкой стоит с кураем их земляк Махмут, осанистый и богато одетый. Такую одежду нельзя увидеть ни на одном богаче этого края.

Долго стояли баи, не зная, с чего начать разговор, пока, наконец, один из них не промолвил: "Махмут мырдам¹, уж не ты ли это?". "Да, я и есть пастух Махмут, - отвечал тот. - Был у царя и теперь вот возвратился домой". Теперь баи не называют Махмута "Пастухом Махмутом" - славят его и превозносят. Устроив большой пир, возносят ему хвалу, не знают, куда и посадить, чуть ли не на руках его носят. "Махмут мырдам, тебе самый раз жениться и начать жизнь вместе с нами. Оказывается, вернулся ты с большими дарами", - приставал к нему то один, то другой, то третий бай, предлагая в жены свою дочь и-табун лошадей и разный прочий скот. Но Махмут не любит байских дочерей, не хочет обзаводиться богатым жильем и жить по-байски. Он возвращается к названной своей матери и начинает жить вместе с ней, не расставаясь со своим кураем. И простой народ искренне отвечает ему своей любовью, любит слушать его песни.

Потом Махмут признается матери, что любит дочь одного бедного соседа, с которой с детства рос вместе. Просит взять ее в жены. Оказывается, девушка эта тоже давно уже любила Махмута.

Она снискала себе в округе славу скромной, умной и добродетельной девушки, отличающейся редкой красотой, и потому байские сынки то и дело засылали к ней сватов. Но любовь свою она подарила Махмуту и дала согласие выйти замуж за него.

Но об этом узнали те самые байские отпрыски и стали думать, как избавиться от Махмута, как разлучить влюбленных. И вот, сговорившись, они добились того, чтобы Махмута отправили в солдаты, несмотря на то, что у него еще не вышел срок.

В памяти народа осталась песня Махмута.

Так как она родилась по пути к царю, назвали ее "Пеший Махмут".

“Юаса”

По старому народному обычаю, когда башкиры выдавали замуж дочерей или женили сыновей, ездили друг к другу в гости. С собой брали свадебный гостинец - юасу. Юасу складывали в полотняный мешочек и по приезде вручали главному свату. После кумыса и супа приступали к чаепитию. Тогда жена главного свата выставляла в круг на широкую скатерть поднос с юасой, политой медом. Молодым родственникам жениха или невесты юасу высыпали прямо в ладони.

Если в юасе оказывалось недостаточно масла или меда, или она была слишком тонкой, то пели частушки, уличающие сваху в скупости. Если же юаса оказывалась пышной, щедро пропитанной маслом и медом, пели другие частушки - восхваляющие щедрость и кулинарное мастерство хозяйки. И песенка та называлась "Юаса":

Оказался сват богатым -Юаса-то на меду.

Коль не веришь, съешь-ка сам ты -Тает сахаром во рту.

У месившей тесто сватьи Щедрая, видать, душа: Юаса ее, как сахар, И без масла хороша.

Развязав мешочек белый, Юасу всем раздадим. Пусть приятно сватье будет -Без остатка все съедим.

Источники:

Башкирское народное творчество Песни т. 8 — Уфа «Китап» 1995

Ф. Надршина Башкирские народные песни-предания — Уфа «Китап» 1997